

Лицо советника Лю слегка изменилось. — Это просто боковая комната, тоже часть моего поместья, ничего особенного, — произнёс он с натянутой улыбкой. — Учитель, пожалуйста, проходите... Ой, ты зачем вышел?

Он пытался вернуть внимание Сюань Миня к главному зданию, но, не успев закончить фразу, увидел, как из-за узкой двери показалась фигура.

Это был молодой человек в серо-голубом толстом халате, лет двадцати с небольшим — ровесник Сюань Миня. Однако его поведение было крайне странным: он вцепился в косяк, его лицо выражало робость и любопытство, словно ребёнок, прячущийся за дверью и подсматривающий за гостями.

Услышав окрик советника Лю, он растерялся, инстинктивно отпрянул назад, но не полностью — из-за двери всё ещё виднелась половина его лица.

Там не было яркого света, поэтому черты лица молодого человека терялись в полумраке.

Сюэ Сянь не мог разглядеть его как следует, но внутреннее чутьё подсказывало, что этот человек как-то связан с советником Лю. Он тихо, на одном дыхании, спросил Цзян Шинина:

— Кто это? Узнаёшь?

Цзян Шинин, не глядя, вяло ответил:

— Я никогда не бывал в поместье советника, откуда мне знать.

Сюань Минь, нахмурившись, взглянул на советника Лю — его выражение лица явно выдавало напряжение — и шагнул к узкой двери.

— Э-э, учитель... — Советник Лю, похоже, никогда не встречал такого бесцеремонного монаха. Продолжая окликать, он поспешил следом:

— Он не причинит беспокойства, честное слово. Это мой непутевый старший сын, Лю Чун. Свой человек, ничего подозрительного.

Вероятно, он боялся, что его странноватый сын опозорит его перед гостем. Видя, что не может остановить Сюань Миня, он принялся махать рукой Лю Чуну, словно уговаривая или прогоняя:

— Чун, будь умницей, иди к себе в комнату. Я разговариваю с учителем о важном.

Это замечание удостоилось ещё одного бесстрастного взгляда Сюань Миня.

Тот холодно произнёс:

— Перед вашим залом вы устроили «извилистую воду, входящую в светлый зал». Этот принцип требует, чтобы с востока и запада было укрытие от ветра, а с севера и юга — сбор энергии, дабы поддерживать равновесие инь и ян. Однако на западе у вас — сквозняк.

Более того, юго-западный угол был тесным и мрачным, сгущая энергию инь, что явно нарушало баланс.

Сюэ Сянь, следуя его словам, взглянул на мрачную узкую дорожку за дверью и подумал: либо мастер, которого пригласил советник Лю для планировки, был дилетантом, либо... эту дорожку велел пробить позже сам советник Лю.

Как и ожидалось, услышав слова Сюань Миня, советник Лю слегка смутился. — Честно говоря, эту дорожку проложили позже, — пробормотал он, запинаясь.

Тем временем Сюань Минь уже переступил порог и оказался за узкой дверью.

Старший сын Лю Сюя, Лю Чун, увидев гостя перед собой, сначала отпрянул, прижавшись к стене, а затем застенчиво улыбнулся Сюань Миню.

Сюэ Сянь заметил, что его движения были неуклюжими — не из-за болезни, а просто от природы. Внешне он был симпатичным, явно пошёл в мать: светлая кожа, большие глаза. Должен был бы выглядеть смышлёным, улыбка — располагающей. Но из-за чрезмерно детского, наивного выражения лица его улыбка казалась простоватой, даже глуповатой.

Очевидно, Лю Чун был не в себе.

До этого, как бы советник Лю ни пытался привлечь внимание Сюань Миня — мягко или жёстко, — тот оставался равнодушным. Но теперь, перед улыбающимся простаком, Сюань Минь, кажется, вдруг вспомнил о вежливости — он кивнул Лю Чуну. Лицо его оставалось бесстрастным, но это был хоть какой-то ответ.

Лицо советника Лю слегка позеленело. Очевидно, в глазах Сюань Миня он, уездный советник, значил меньше, чем глупец.

За узкой дверью находилась не только дорожка.

Сюэ Сянь, выглянув из потайного кармана, увидел, что в конце дорожки стояла неприметная комнатка. Построена она была убого, с первого взгляда напоминая кладовку. Однако Сюэ Сянь заметил, что Лю Чун робко отступал именно к этой комнате.

Человек, слабо понимающий окружающий мир, при виде незнакомцев инстинктивно стремится к тому, что даёт ему чувство безопасности. Либо к родителям, либо в свою комнату. Это Сюэ Сянь подметил за полгода скитаний по человеческому миру.

Лю Чун явно принадлежал ко второй категории.

Сюэ Сянь тут же решил, что советник Лю — удивительный человек. Какой отец позволит родному сыну жить в таком тёмном, непроглядном месте? Это всё равно что держать собственное дитя, как подпольную крысу.

К тому же эта комната, неизвестно почему, была сдавлена тяжёлой, гнетущей энергией инь. Не видя воочию, что здесь живёт человек, Сюэ Сянь мог бы заподозрить, что внутри сложена целая погребальная гора.

Ранее советник Лю старался скрыть эту комнату, но Сюань Минь всё равно её заметил. Тогда он, сохраняя лицо, начал неуклюже оправдываться:

— Мой сын... характер у него странный. Не любит шума, всё просит, чтобы его поселили в тихом месте.

Сюэ Сянь:

— ... Врёшь! Почему бы тебе тогда не отправить его за город, на дикое кладбище? Там тише всего, да и энергии инь поменьше будет.

Эти нелепые слова, кажется, смутили даже самого советника Лю. Он кашлянул и попытался сменить тему:

— Учитель, вы говорите о сквозняке в этой дорожке?

Сюань Минь ответил:

— И в этой комнате тоже.

— Если я велю заделать высокое окно на южной стороне комнаты, сквозняк исчезнет? — спросил советник Лю.

— Заделать? — холодно повторил Сюань Минь, затем нахмурился и указал на Лю Чуна:

— А ему чем дышать?

Советник Лю:

— Это... я не подумал.

За эти несколько фраз впечатление о советнике Лю у Сюэ Сяня окончательно испортилось: старший сын, хоть и слабоумный, всё же его плоть и кровь, а отец совершенно не заботится о том, жив тот или нет.

Что ещё смешнее, советник Лю, получив отпор от Сюань Миня, лишь развёл руками, выглядел растерянным. Судя по всему, ему даже в голову не пришло, что Лю Чуна можно просто переселить, а уже потом заделать сквозняк.

Небо продолжало светлеть, очертания прочих строений в поместье проступали, словно проявляясь на мокрой бумаге. Лишь эта комната оставалась расплывчатой, погружённой в мрак.

Сюань Минь, похоже, также, как и Сюэ Сянь, ощутил необычайно густую энергию инь в этом месте.

Даже в юго-западном углу, где энергия инь скапливается по определению, не должно быть такого мрака. Здесь определённо крылось что-то неладное.

Сюань Минь, не удостоив советника Лю взглядом, направился к той маленькой комнате.

Лю Чун, почесав в затылке, похоже, не понимал, зачем гость идёт в его комнату. Он постоял в растерянности, а затем, словно встретив товарища по играм, оживился и, шаркая, поспешил за Сюань Минем.

Молодой человек лет двадцати с небольшим, но без тени взрослой сдержанности, шёл неуклюже, слегка подпрыгивая. Даже пытаясь идти рядом с Сюань Минем, он был беспокоен: то обгонял на несколько шагов, то отставал на несколько чи. Взгляд его при этом был прикован к поясу Сюань Миня, словно он увидел нечто необычайно интересное, и не отрывался ни на миг.

Глупец смотрел не куда-нибудь, а прямо на отверстие потайного кармана.

Сюэ Сяню, лежавшему там, стало не по себе, будто шерсть на загривке встала дыбом. Спрятаться он не успел, и теперь отступать было поздно. Нельзя же пошевелиться, пока этот

дурак уставился? Испугать его — полбеда, но если тот, разволновавшись, сделает что-нибудь неудержимое, будет хуже.

Комната была недалеко. Сюань Минь, с его долгими ногами, за несколько мгновений оказался у двери.

С точки зрения Сюэ Сяня, из его укрытия, через полуоткрытую дверь как раз открывался вид на часть интерьера. Увиденное заставило его вздрогнуть. У самого входа была сложена целая гора желтоватых предметов. На первый взгляд — золотые слитки, но, присмотревшись, понимаешь: это вовсе не настоящие слитки, а сложенные из бумаги.

Именно те самые, из масляной жёлтой бумаги, что сжигают для умерших!

Сюэ Сянь ещё не успел опомниться от удивления, как Лю Чун, всё это время следовавший за Сюань Минем по пятам, вдруг заговорил:

— М-можно... с этим поиграть?

При этом он ткнул пальцем в сторону пояса Сюань Миня.

Сюань Минь опустил взгляд на свой пояс, не сразу поняв, что имеет в виду Лю Чун.

— Жёлтая бумажка, — снова указал Лю Чун.

На этот раз Сюань Минь разглядел: тот указывал на бумажного человечка, выглядывающего из отверстия кармана.

Сюэ Сянь:

— ... Что за чушь?! Этот дурак съел что ли тигриное сердце и барсову печень? С истинным драконом, рогатым и чешуйчатым, вздумал играть! Жить надоело?

Да что с дурака взять? Бумажная оболочка в его руках в два счёта разлетится на части, одним неловким движением — и на восемь лоскутов!

<http://bllate.org/book/16289/1467758>